Незадолго до десяти часов я уже стоял перед аптекой Хеммонда на площади Старого рынка с небольшим чемоданчиком в руках, дожидаясь автобуса на Инсмут. Ко времени прибытия автобуса площадь заметно опустела, праздный люд разошелся кто куда, часть осела в кафе «Идеальный ленч», расположенном как раз напротив аптеки. Да, кассир явно не преувеличил неприязни местного населения к Инсмуту и его обитателям. Послышалось тарахтение, и на Стейт-стрит выехал небольшой старенький автобус грязно-серого цвета. Развернувшись, он подкатил к тротуару и остановился неподалеку от меня. Еще не рассмотрев автобус хорошенько, я уже знал, что это именно тот, который мне нужен, и действительно, табличка с полустертыми названиями — Архем — Инсмут — Ньюберипорт — подтвердила мою догадку.

В автобусе сидели только три пассажира — все молодые, смуглолицые и весьма неопрятные мужчины угрюмого вида. Когда водитель открыл дверцы, они неуклюже вывалились на улицу и стали молча слоняться по Стейт-стрит с теми же угрюмыми лицами. Шофер тоже вышел и направился в аптеку. Это наверняка был Джо Сарджент, о котором упоминал кассир. Не успел я еще толком его рассмотреть, как меня окатила волна бог весть откуда взявшегося отвращения. Неудивительно, подумалось мне, что местные жители избегают ездить на автобусе, который водит такой субъект, или посещать город, где живут подобные ему люди.

Когда шофер вышел из аптеки, я стал буквально пожирать его глазами, пытаясь определить причину своей антипатии. К автобусу шел худощавый сутулый мужчина меньше шести футов ростом, в потертом синем костюме и выцветшей шапочке для гольфа. По туповатому, лишенному выражения лицу ему можно было дать лет тридцать пять, хотя сзади он казался старше, по-видимому из-за глубоко залегших складок на шее. Голова его была сильно вытянута, а водянистые глаза настолько выпучены, что меня взяло сомнение, могут ли они вообще закрываться. Нос был приплюснут, маленькие уши выглядели недоразвитыми. Над толстой верхней губой и на пористой коже щек практически не было никакой растительности, если не считать нескольких рыжеватых волосков, кудрявившихся на значительном расстоянии друг от друга. Сама кожа выглядела бугристой и шелушилась, как бывает при некоторых кожных заболеваниях. На крупных кистях вздувались вены непривычного серовато-голубого цвета. По сравнению с кистями пальцы казались на редкость короткими и как бы ввинченными в ладонь. Он шел к автобусу, странно подволакивая ноги, и я успел заметить непропорционально громадные ступни. Удивительно, как он умудрялся подбирать себе обувь.

Во всем его облике ощущалась неряшливость и нечистоплотность, и это еще больше отвращало меня. Шофер явно либо подрабатывал на разделке рыбы, либо жил неподалеку от этого места — слишком уж специфический запах исходил от него. Относительно его происхождения трудно было сказать что-либо определенное. Я понимал, почему в нем могли видеть иноземца, но не находил в нем признаков ни азиатских народов, ни полинезийских, ни левантийских, ни негроидных. На мой взгляд, тут речь шла скорее о вырождении, нежели о примеси иной крови.

Мне стало не по себе, когда я увидел, что кроме меня, никто в автобус садиться не собирается. Ехать одному с этим водителем не хотелось. Но когда наступило время отправляться, я победил свои сомнения и, войдя вслед за шофером, протянул ему доллар и пробормотал одно только слово: «Инсмут». Он с любопытством посмотрел на меня, но, ничего не сказав, дал сорок центов сдачи. Я сел подальше от него, но на той же стороне, чтобы во время поездки любоваться морем.

Наконец старая развалина рывком тронулась с места и загремела по Стейт-стрит мимо старинных кирпичных зданий, оставляя за собой клубы дыма. Наблюдая из своего окна за прохожими, я ощущал их желание не видеть автобус, поскорее отвернуться или по крайней мере сделать вид, что они не замечают его. Мы свернули налево и очутились на Хай-стрит. Здесь дорога стала ровнее. Медленно проехав мимо величественных старых особняков,

возведенных в первые годы Республики, и еще более древних домов колонистов, автобус миновал улицы Лоуэр-Грин и Паркер-Ривер и выехал на бескрайний простор побережья.

День стоял теплый и солнечный, однако песчаные дали, поросшие низким кустарником и осокой, становились все безлюднее. Из окон была хорошо видна синяя кромка воды и песчаная линия Плам-Айленда. После того как мы свернули с основной магистрали на Раули и Инсмут, дорога приблизилась к самому морю. Местность по-прежнему оставалась необитаемой, а по ужасному состоянию дороги я заключил, что любой транспорт здесь — явление редкое. Невысокие ветхие столбы несли только два телефонных провода. Нам частенько приходилось проезжать по деревянным, грубо сколоченным мостам, переброшенным через глубоко врезавшиеся в берег узкие излучины, которые наполнялись водой только во время прилива. Такая природная особенность тоже во многом способствовала изоляции района.

Иногда среди этой песчаной пустыни попадались гнилые пни и осыпающиеся фундаменты домов, а ведь некогда здесь был плодородный и густо населенный край. Перемены совпали, если верить хранившимся в библиотеке документам, с эпидемией 1846 года и в народе связывались воедино: считалось, что обе беды ниспосланы свыше. В действительности дело обстояло значительно проще: наступление песков вызвала необдуманная вырубка леса на побережье.

Но вот и Плам-Айленд скрылся из виду, теперь перед нами ширился только безграничный простор Атлантического океана. Узкая дорога пошла резко вверх. Глядя на пустынный гребень горы, туда, где изрытая глубокими колеями дорога сливалась с небом, я вдруг испытал неизъяснимое беспокойство. Казалось, что автобус, дойдя до вершины, расстанется с нашей грешной землей и сольется с таинственными сферами небес. В запахе моря ощущалась новая, неприятная примесь, а напряженная, согнутая спина водителя и его узкая голова, казалось, излучали ненависть. Теперь я видел, что волосы не росли у него не только на бороде, но и на затылке, если не считать нескольких жиденьких завитков на сероватой морщинистой коже.

Мы въехали на гребень. Перед нами раскинулась долина, где Меньюксет прокладывала себе путь к северу от длинной цепи скал, самой величественной из которых казалась Кингспорт-Хед, и, извиваясь, текла к Кейп-Энн. В туманной дымке я с трудом различал контуры гигантской скалы, увенчанной, как короной, необычной старинной постройкой, о которой ходило множество легенд. Но сейчас не она приковала мое внимание. Я с любопытством разглядывал раскинувшееся в долине селение, понимая, что наконец-то вижу обросший слухами, загадочный Инсмут.

Город выглядел довольно крупным и плотно застроенным, но сразу бросалось в глаза, что жизнь в нем еле теплится. Редко из какой трубы вился дымок, а три возвышавшихся над крышами собора, шпили которых были хорошо видны на фоне голубых далей, поражали своей неухоженностью. С венца одного полностью осыпалась штукатурка, а у двух других на том месте, где полагалось быть городским часам, зияли дыры. У большинства домов кровли провисли, фронтоны были, по всей видимости, источены червями, а когда мы спустились пониже, я обратил внимание, что многие крыши просто обвалились. Однако сверху выделялось и несколько монументальных особняков в стиле короля Георга, с шатровым покрытием и лестницами с перильцами, которые еще зовут «утехой вдовушки». Эти дома отстояли дальше прочих от побережья, и два-три из них были в довольно неплохом состоянии. Вдалеке виднелись проржавевшие и заросшие травой рельсы бывшей железной дороги, вдоль которой тянулся ряд покосившихся телеграфных столбов без проводов и различались колеи заброшенных проселочных дорог, ведущих в Раули и Инсуич.

У самого берега разруха ощущалась сильнее, но и там я разглядел хорошо сохранившееся

кирпичное здание под белой крышей, похожее на небольшую фабрику. Занесенную песком гавань окружал волнорез, у которого сидело несколько рыбаков. По обвалившемуся фундаменту можно было догадаться, что на одном конце его когда-то стоял маяк. С годами ветер нанес в гавань песчаные холмы. На них я различил несколько ветхих хибарок, замшелые плоскодонки и разбросанные верши для омаров. Самым глубоководным местом здесь казалась та часть реки, где стояла фабрика. Затем река поворачивала на юг и впадала в океан сразу за волнорезом.

То тут, то там из песка выступали гниющие остатки верфи, а по мере продвижения на юг свалка отбросов все нарастала. Несмотря на прилив, далеко в море виднелась длинная темная линия, слегка приподнятая над водой. Глядя на нее, я почувствовал некую скрытую угрозу и понял, что это, по-видимому, и есть Риф Дьявола. Но по мере того как я всматривался в далекий риф, к первоначальному неприятному чувству присоединилось какое-то неясное влечение — меня словно манило туда, и эта вот тяга испугала меня, как ни странно, гораздо больше.

На дороге мы никого не встретили, но вблизи города я увидел несколько брошенных ферм, в той или иной степени тронутых обветшанием. Затем показались нежилые по виду дома: окна заткнуты тряпками, рядом, в захламленных двориках, обломки раковин и тухлая рыба. Пару раз нам повстречались люди, которые вяло копались у себя в неухоженных садах или собирали моллюсков на пропахшем рыбой пляже, а также ребятишки с обезьяньими мордашками, играющие на заросших сорняками ступеньках. Вид людей подействовал на меня даже более удручающе, чем состояние их жилищ: в лицах и пластике было что-то отталкивающее. Я пробовал было доискаться до причин отвращения, но безрезультатно. На мгновенье мне показалось, что их внешность вызывает в моей памяти виденные ранее и позабытые иллюстрации, которые я рассматривал в моменты тревоги или грусти, но вскоре я отмел это предположение.

Автобус спускался все ниже, и можно было уже уловить движение отдельных струй водопада, который сверху казался неподвижной светлой лентой. А покосившиеся, давно не крашенные дома теперь плотно выстраивались на нашем пути двумя рядами, что выглядело уже по-городскому. Поле обозрения все более сужалось: я видел только улицу, по которой мы ехали, и по отдельным признакам угадывал, где в прошлом проходила мощенная булыжником мостовая, а где — клинкерный тротуар. В домах явно никто не жил. Иногда между отдельными строениями зияла пустота, и только по остову печи и завалившемуся входу в погреб было ясно, что когда-то здесь стоял жилой дом. Над всей этой разрухой висел стойкий и мерзкий запах рыбы.

Скоро начали попадаться перекрестки и боковые улочки. Те, что вели налево, неизбежно упирались в замусоренный и нищий прибрежный район, те же, что шли вправо, сохраняли какое-то подобие былой респектабельности. На улицах по-прежнему было пустынно, но теперь стали появляться отдельные признаки обжитого жилья: занавески на окнах да кое-где обшарпанный автомобиль, припаркованный у обочины. Тротуары здесь уже не сливались с мостовыми, а деревянные и кирпичные дома, хотя и построенные где-то на заре девятнадцатого века, выглядели вполне прилично. При виде этого нетронутого островка прошлого я, будучи страстным поклонником старины, почти перестал замечать отвратительный запах и утратил чувство неведомой опасности.

Но до конца пути мне пришлось еще раз испытать довольно сильные и неприятные ощущения. Автобус выехал на площадь, откуда расходилось в разные стороны несколько улиц. В центре ее пробивалась сквозь грязь зелень жалкого газончика, по двум сторонам возвышались церкви, но мое внимание привлек дом с колоннами, расположенный на правой стороне площади. Краска

на этом когда-то белом здании потемнела и облупилась, а надпись над входом настолько выцвела, что с трудом можно было разобрать слова: «Тайный союз Дагона». Видимо, этот дом и был прежде Масонским собранием, а ныне стал приютом приверженцев дикого первобытного культа. Пока я силился разобрать слова на фронтоне, начали бить часы. Я обернулся.

Звук шел из церкви, построенной значительно позже всех остальных зданий: бросались в глаза низкий купол (грубое подражание английской готике), непропорционально высокое основание и ложные окна. Хотя самих часов я не увидел, но и так догадался, что пробило одиннадцать. И вдруг сердце мне неожиданно сжал такой необузданный и необъяснимый страх, что вмиг улетучились все мысли, в том числе и о времени. Дверь церкви распахнулась, обнажив зияющую черную пустоту. А потом я увидел, как кто-то движется в этом черном прямоугольнике, и это видение мгновенно породило в моем сознании ощущение кошмара, тем более мучительного, что для него не было никаких оснований.

По церкви ходил человек — первый, если не считать водителя, увиденный мною в центральной части города, и будь я в нормальном состоянии, то вряд ли испугался бы. Мне тут же стало ясно, что это, конечно, пастор. «Союз Дагона» изменил церковный ритуал в городе, а вместе с ним и облачения священников. Возможно, неосознанный мой ужас был вызван высокой тиарой на голове пастора — точной копией той, что вчера вечером показывала мне мисс Тилтон. Должно быть, именно это сходство роковым образом подействовало на мое воображение и наделило зловещими чертами неразличимое в темноте лицо и неясную фигуру. Поразмыслив, я пришел к выводу, что другой причины внезапного и острого пробуждения моей псевдопамяти о Зле просто не могло существовать. Таинственный культ вызвал к жизни появление своеобразных головных уборов. Ну и что? Первая тиара, возможно, попала к жителям города случайно — скажем, из клада.

Теперь на нашем пути изредка попадались уродливые молодые люди — поодиночке или молчаливыми группами по два-три человека. Кое-где на нижних этажах осыпающихся домов мелькали закопченные вывески магазинов, а пару раз мы встретили грузовик. Шум водопада все приближался. Наконец я разглядел впереди высокий берег реки, через нее пролегал широкий мост с железными поручнями, откуда открывался прекрасный вид. Пока мы, дребезжа, переезжали через мост, я успел обозреть окрестности и заметил на крутом, утопающем в зелени берегу и на самом склоне несколько фабричных зданий. Внизу бушевал могучий поток. Со скалы низвергались две мощных струи и, объединяясь, падали дальше, на следующую ступень. Стоял оглушительный гул. Миновав реку, мы вскоре въехали на полукруглую площадь и подкатили к высокому дому с куполообразной крышей. На выцветших желтоватых стенах я увидел вывеску с наполовину стертыми буквами, гласившую, что предо мной гостиница «Джилмен-Хауз».

Мне не терпелось покинуть автобус, и я поспешил побыстрее внести свой чемодан в обшарпанный гостиничный холл. Там никого не было, кроме пожилого мужчины, и хотя он отличался обликом от типичного инсмутца, я все же не рискнул задать ему те вопросы, которые вертелись у меня на языке. Слишком уж мрачные слухи ходили об этой гостинице. Сдав багаж на хранение, я снова вышел на площадь, которую автобус уже успел покинуть, и внимательно огляделся.

С одной стороны площадь ограничивалась набережной, от которой полукругом расходились дома с остроконечными крышами, построенные в начале девятнадцатого века. Их разделяли улочки, идущие на юг, юго-восток и юго-запад. Уличных фонарей почти не было, да и в немногих уцелевших, как я заметил, лампы были разбиты. И хотя ожидалось полнолуние, я порадовался про себя, что уеду отсюда до наступления темноты. Дома на площади были в хорошем состоянии, в некоторых из них размещались магазины — я насчитал около дюжины.

Среди них выделялась бакалея из сети Национальной торговли, с ней соседствовали аптека и рыбный магазинчик. Неподалеку приютился унылого вида ресторан, а ближе к реке, у восточной границы площади, находилась контора единственного городского предприятия, а именно фабрики Марша. Неподалеку слонялось около десятка человек; четыре-пять легковых и грузовых машин застыли в разных частях площади. Так выглядел центр Инсмута. Далеко на востоке виднелась размытая синева гавани, эту синь прорезали шпили трех некогда прекрасных соборов конца девятнадцатого начала двадцатого века. На противоположном берегу реки можно было различить здание под белой крышей, которое я принял за фабрику Марша.

Нужные мне справки я решил навести в бакалее — по моим представлениям, продавцы там не могли быть из местных жителей. Войдя в магазин, я увидел за прилавком юношу лет семнадцати и, разговорившись с ним, с радостью убедился, что он смышлен, контактен и счастлив возможностью с кем-нибудь перемолвиться словом. Вскоре выяснилось, что город ему отвратителен, особенно его угрюмые обитатели и невыносимый запах тухлой рыбы. Встреча с посторонним человеком развязала ему язык. Он был родом из Архема, здесь же жил и столовался у уроженцев Ипсуича и, как только представлялась возможность, наезжал домой. Родителям не нравилось, что сын служит в Инсмуте, но сюда его направила компания Национальной торговли, а он, дорожа службой, не посмел отказаться.

По его словам, в Инсмуте нет ни библиотеки, ни торговой палаты, но кое-что посмотреть все-таки стоит. Улица, по которой я приехал, именуется Федеральной. К западу от нее пролегают Броуд-стрит, улицы Вашингтона, Лафайета и Адамса — лучшие кварталы, где стоят дома бывших хозяев города. К востоку идут улицы, где обитает беднота, эти трущобы тянутся к побережью. А замеченные мною старые, давно заброшенные соборы высятся на Мейн-стрит. Однако ходить по тем местам следует с превеликой осторожностью, особенно к северу от реки — люди там отличаются враждебностью и подозрительностью. Кое-кто из любопытных даже сгинул в той стороне.

http://tl.rulate.ru/book/43725/1027433